

УДК 821.161.09«19»

В. Г. Андреева

<https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Особенности воплощения семейной темы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102

Для цитирования: Андреева В. Г. Особенности воплощения семейной темы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 43–52.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-42-51

В статье анализируется семейная тема в романе «Воскресение», рассматривается отношение Л. Н. Толстого к идеальной семье, образ которой получает в произведении, по сравнению с предшествующим творчеством писателя, лишь незначительные коррективы, связанные с мыслью о роли семьи в духовном восхождении человека. Автор статьи обращается к спору Толстого и Достоевского о русских семьях, развернувшемуся еще в 1870-е гг., и показывает, что в последнем романе Толстой широко использует ранее неприемлемый им образ случайного семейства, описанный Достоевским в «Дневнике писателя» и романе «Подросток». Галерея случайных семейств, представленных в «Воскресении», включает как дворянские семьи, так и семьи из народа, позволяет Толстому укрупнить национальный кризис, развернувшийся в России в конце XIX в., показать его всеохватность. Писатель обличает не только власть, государственную и судебную системы, он показывает, как ложь сопровождает человека, выходящего из случайного семейства, делает его не способным к состраданию. В статье рассматриваются многочисленные реализации семейной темы в романе, анализируются образы персонажей, способных и не способных к семейной жизни, а также путь главного героя, который в финале произведения не только утверждает высшие Божественные законы как руководство для жизни, но и встречает пример настоящей семьи, контрастирующий со всеми ранее представленными случайными семействами. Автор работы демонстрирует, как по мере течения романа жизнь Нехлюдова все больше приближается к большому народному миру, соотносится с судьбой страны – Нехлюдов становится поистине эпическим героем.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, семейная тема, случайное семейство, образ идеальной семьи, духовный рост, национальный кризис, эпический роман, обличение.

V. G. Andreeva

The features of the embodiment of the family theme in the novel by L. N. Tolstoy «Resurrection»

The article analyzes the family theme in the novel «Resurrection», examines the attitude of Leo Tolstoy towards the ideal family, the image of which in the work, in comparison with the previous work of the writer, only insignificant corrections associated with the idea of the role of the family in the spiritual ascent of man. The author of the article addresses the dispute between Tolstoy and Dostoevsky about Russian families, which unfolded in the 1870s. and shows that in the last novel, Tolstoy makes extensive use of the previously unacceptable image of a random family, described by Dostoevsky in the Writer's Diary and the novel Teen. The gallery of random families presented in «Resurrection» includes both noble families and families from the people, allows Tolstoy to enlarge the national crisis that unfolded in Russia at the end of the 19th century, to show its all-encompassing nature. The writer not only exposes the power, state and judicial systems, he shows how a lie accompanies a person coming from a random family, makes him incapable of compassion. The article examines numerous realizations of the family theme in the novel, analyzes the images of characters who are capable and not capable of family life, as well as the path of the protagonist, who in the final of the work not only approves the highest Divine laws as a guide for life, but also meets the example of a real family. contrasting with all previously presented random families. The author of the work demonstrates how, as the novel progresses, Nekhlyudov's life is getting closer and closer to the big popular world, correlates with the fate of the country – Nekhlyudov becomes a truly epic hero.

Key words: L. N. Tolstoy, family theme, random family, image of an ideal family, spiritual growth, national crisis, epic novel, denunciation.

Тема семейная, по словам самого Л. Н. Толстого, ставшая центральной в «Анне Карениной», очень значима и в романе «Воскресение». Как уже неоднократно отмечалось литературоведами, родовая и семейная сущность были важны для писателя в определении человека и его места в жизни. Уже с первой трилогии Толстого положение героя в семье, его отношение к близким людям являлись индикаторами способности искреннего и чуткого отношения к миру, понимания им народной жизни. Сам писатель уделял большое внимание той отправной точке, с которой он начал свой сложный и противоречивый путь — детству в любящей семье: «Из своего детства — поэтического, таинственного, нежного — он сохранил в памяти всепоглощающее чувство любви, как естественного состояния души, как естественного отношения ко всем людям» [Зверев, Туниманов, с. 38].

Лучшие толстовские герои (и дворяне, и герои из народа) всегда стремятся к семейной жизни, даже если ценность ее осознается ими не сразу. Вспомним, к примеру, Каренина, Левина и Вронского в романе «Анна Каренина». С самого появления в романе Левина, родители которого уже умерли, думает об устройстве своей семьи, он видит ее образом единства, где жена будет понимать его интересы и разделять их. Более того, Толстой подчеркивает тесную связь Левина с братьями: Константин всеми силами пытается помочь Николаю и понять ученого брата Сергея. Каренин, увлеченный работой и своей полезной для России деятельностью, хоть и имеет семью, но относится к жене и сыну холодно: Толстой подчеркивает, что герой изначально был лишен семейного общения. Вронский, усвоивший все светские условности, лишь в финале романа, во время жизни с Анной в Воздвиженском и некоторого приближения к подобию семейного существования, осознает ценность семьи. Долли Облонской, одной из самых чутких героинь романа, Вронский говорит: «Мы соединены самыми святыми для нас узами любви. У нас есть ребенок, у нас могут быть еще дети. Но закон и все условия нашего положения таковы, что являются тысячи осложнений, которых она теперь, отдыхая душой после всех страданий и испытаний, не видит и не хочет видеть. И это понятно. Но я не могу не видеть. Моя дочь по закону — не моя дочь, а Каренина. Я не хочу этого обмана!» [Толстой, т. 19, с. 202].

В последнем романе Толстого семейная тема представлена во множестве реализаций. Рассуждая об образе идеальной семьи и ее понимании Толстым, можно отметить, что писатель фактически не изменяет своего отношения к семье в «Воскресении» (по сравнению с более ранними произведениями). И в данном случае необходимо понимать, что при всей разности взглядов на семейную тему, русские писатели не мыслили ее камерно, замкнуто. Семья у большинства русских романистов не сужает жизнь человека до маленького мирка, а, наоборот, дает личности новые возможности, в идеале — ведет человека к пониманию ценности самоотдачи и помощи ближним, к осознанию мудро устроенных законов жизни, к единению с окружающим миром. Как справедливо отметил В. А. Недзвецкий, идеальная семья мыслилась русскими романистами «не замкнутой от мира, дольного и горнего, а распахнутой ему во всех его человеческих „волнениях и скорбях”» [Недзвецкий, с. 48].

По мысли Толстого, именно в семье человек учится брать на себя ответственность за других людей, признавать свои ошибки, осознает необходимость борьбы с эгоизмом. В романе «Воскресение» среда, в которой вырос Нехлюдов, вся светская жизнь не могут допустить такого сердечного и чуткого отношения даже к близким. К. Н. Ломунов подчеркнул, что в последнем романе Толстого очень важно осознать характеристики натуры Нехлюдова, литературовед обращает внимание на чувство безысходности, которое овладевает героем «в годы праздной, пустой и беспечной жизни, когда он освободил себя от всех тех обязательств, которые давал себе, только начиная сознательную жизнь». «Нехлюдов пытался анализировать овладевшее им настроение безысходности, и Толстой указывает, какую герой его романа сделал ошибку в анализе: „Были виноваты все, только не он”» [Ломунов, с. 137].

Внимательное сопоставление художественного мира романа «Воскресение», к примеру, с «Анной Карениной», открывает значительные изменения в изображении семей писателем. Обстоятельства и многочисленные общественные и мировоззренческие проблемы приводят к пересмотру общей картины жизни России. В «Воскресении» Толстой все ближе подходит к образам «случайных семейств» Достоевского, сводя на нет полемику, развернувшуюся между классиками в 1870-х гг.,

когда Толстой в «Анне Карениной» возразил выводам Достоевского, сделанным в романе «Подорожник» и его убеждениям, высказанным в «Дневнике писателя», а Достоевский критически оценил роман «Анна Каренина». В финале романа «Подорожник» Достоевский показал образ «несколько холодного эгоиста», но «бесспорно умного человека» [Достоевский, с. 452], бывшего воспитателя Аркадия, Николая Семеновича, который говорит о переходе «русских семейств» в «семейства случайные». Достоевский сталкивает эти два понятия, заставляя читателя поверить, что русская семья утратила все основы своего здорового существования. А. А. Жарова отмечает, что «начиная уже с ранних произведений, Достоевский стал обращаться к проблеме семьи и детско-родительских отношений. Именно в распаде семьи он увидел истоки общественного хаоса, “беспорядка” и даже мирового кризиса, переживаемого людьми. Изображая героев из социальных низов, угнетенных, страдающих от нелюбви своих родителей и от гнета той среды, в которой они вынуждены находиться, Достоевский показал трагедию „подпольного“, „мечтательного“, „слабого сердцем” героя и гордился тем, что описывает не исключение, а человека „большинства”. Писатель постепенно пришел к выводу, что „подпольный” герой в большинстве случаев – выходец из „случайного семейства”» [Жарова, с. 3].

Подразумевая Толстого и его изображение русских семей, Достоевский пишет, что романист, показывающий русское родовое дворянство, не в состоянии писать уже в другом роде, кроме исторического, то есть в виде воспоминаний. Достоевский констатирует разложение высшего общества, пропажу соединяющей поколения мысли: «И далеко не единичный случай, что самые отцы и родоначальники бывших культурных семейств смеются уже над тем, во что, может быть, еще хотели бы верить их дети» [Достоевский, с. 454]. А исчерпывающие зарисовки мещанских семей, семей простолюдинов в «Дневнике писателя» дополняют образ «случайного семейства», которое, по мнению Достоевского, стало типичным. В «Анне Карениной» Толстой возразил Достоевскому, показав полюсные примеры дворянских домов: расшатывание семейного уклада в существовании Карениных и Облонских, сохранение семейных ценностей в жизни Левиных и Львовых – такой же ход писатель использовал и в романе-эпопее «Война и мир».

Итак, в «Воскресении» принципиальное отношение Толстого к семье как одной из значитель-

ных духовных ценностей, основе самоотдачи и жертвенной любви человека, сохраняется, но в романе заметно изменяется взгляд писателя на современную ему реальность и место семьи в ней. Критическое отношение Толстого к существовавшим порядкам, обличительный пафос теперь направлены и на современные ему семьи: сохраняя веру в силу и жизнеспособность идеального союза людей, Толстой демонстрирует огромное множество именно случайных семейств. Усложнение внешних – политических и социальных – обстоятельств приводило к тому, что идеальный образ семьи все более отдалялся от реальности. В. А. Недзвецкий отметил, что обретение героем русского романа идеальной семьи «требует от него – ввиду жесточайшего сопротивления ей со стороны наличного дисгармоничного общества и отсутствия примеров – не только безмерных моральных и физических усилий, но и самостоятельного разрешения едва ли не всех “проклятых” вопросов человеческого бытия» [Недзвецкий, с. 48]. А в конце XIX в. эти «проклятые вопросы» чрезвычайно остро стояли и перед авторами, и перед их героями.

Рассуждая в рамках биографического метода, можно отметить немало разных жизненных аспектов, которые влияли на Толстого и все отчасти нашли отражение в романе «Воскресение». С одной стороны, ко времени написания «Воскресения» Толстой был уже немолодым человеком, в его отношениях с супругой оказалось немало трещин, вызванных мыслями и настроениями самого писателя, их неприятием Софьей Андреевной. В 1890-е гг. в дневниках и записных книжках Толстой все больше поднимает человека над семьей как социальной ячейкой, рассуждая о его пути, обязанностях перед людьми, направленностью духовной жизни. В эти же годы происходит ряд событий, которые вновь сильно сближают писателя с супругой, да и записи Толстого говорят о том, что он очень переживал по поводу настроений в собственной семье. Смерть младшего сына Ванечки сильно и по-разному потрясла Толстого и Софью Андреевну. В дневнике от 12 марта 1895 г. Толстой отмечает: «Так много пережито, передумано, пережито за это время, что не знаю, что писать. <...> И потом не только не могу сказать, чтобы это было грустное, тяжелое событие, но прямо говорю, что это (радостное) – не радостное, это дурное слово, но мило-сердечное от Бога, распутывающее ложь жизни, приближающее к нему, событие. – Соня не может так смотреть на это. Для нее боль, почти физиче-

ская – разрыва, скрывает духовную важность события. Но она поразила меня. Боль разрыва сразу освободила ее от всего, что затемняло ее душу...» [Толстой, т. 53, с. 10]. Конечно, все эти происшествия оказывали на Толстого сильное влияние. Семья в поздний период творчества начинает оцениваться писателем с позиции ее внутреннего устройства, способствующего или не способствующего приближению личности к Богу. Как точно отметил И. Б. Мардов, «для Толстого человек – младший партнер Бога, работник, задача которого быть работой Хозяина и прежде всего совершать труд духовного восхождения, одухотворения, духовного роста» [Мардов, с. 299]. Тут вспоминается несостоявшаяся семья Нехлюдова и Катюши, мысль о необходимости женитьбы на Масловой самого Нехлюдова, вновь возникающая любовь, которая поднимает героев, заставляя их не просто стараться выглядеть лучше, но изменяться и духовно расти. По мнению писателя, во все времена залогом счастья и целостности семьи было ее внутреннее единство, подчиненное одной сильной воле. А. Б. Гольденвейзер в воспоминаниях приводит интересную мысль Толстого о семье и эгоизме женщин, нередко не осознаваемом ими и не способствующем нравственному росту людей в семье: «Современная семья – это маленькая лодочка, плывущая в бурю по необозримому океану. Она может держаться, только если управляется *одной* волей. Когда же сидящие в ней начинают копошиться, лодка опрокидывается и получается то, что мы видим теперь в большинстве семей. <...> В женщине страшно развито большое зло – эгоизм семьи» [Гольденвейзер, с. 23].

С другой стороны, в Толстом всегда очень яркой была жажда живой жизни, полноты чувств и впечатлений. Поэтому в «Воскресении» семейная тема связывается и с принятием человека, пониманием его как своего, с влечением к супругу или супруге, связанным с уважением – тут писатель продолжает сохранять свой идеал семейной жизни, данный им еще в «Анне Карениной»: «Любовь к женщине он не только не мог себе представить без брака, но он прежде представлял себе семью, а потом уже ту женщину, которая даст ему семью. Его понятия о женитьбе поэтому не были похожи на понятия большинства его знакомых, для которых женитьба была одним из многих общежитийских дел; для Левина это было главным делом жизни, от которого зависело все ее счастье» [Толстой, т. 18, с. 101]. В «Воскресении» Толстой максимально сближает примеры правильных се-

мей из народа с дворянскими семьями, однако в этом масштабном эпическом романе, как мы уже сказали, «правильное» уступает место «случайному».

Приведенные выше рассуждения о личности Толстого в поздний период творчества при анализе романа должны быть соотнесены и с широким историко-культурным контекстом, вне которого рассуждение о «Воскресении» фактически невозможно. Семейная тема становится одной из основ эпического романа и приобретает в нем соответствующую широту: Нехлюдов, испытавший немало противоречий и поддавшийся влиянию света, после начавшейся в нем духовной работы отказывается от прежней жизни, разрывает многие связи со своим прошлым, со своей семьей, планирует брак с Катюшей, наконец, выходит к пониманию большого народного мира и его ценностей – фактически единой семьи, чтобы в финале романа осознать ценность веры и заповедей, свою включенность в общий замысел Божественной жизни, а при этом еще и ощутить свое одиночество, острое желание семейного счастья.

По мере течения романа жизнь Нехлюдова все больше приближается к большому народному миру, соотносится с судьбой страны – Нехлюдов становится поистине эпическим героем. А. Н. Романова, рассуждая про пушкинскую Татьяну Ларину, очень точно отметила, что для приближения к национальному идеалу героине необходима не эфемерная связь с народными преданиями: «„Русская душой“ и зараженная романтическими идеалами героиня должна пройти через драматическую „правду жизни“, погрузиться в реальность русского бытия, чтобы взрастить в себе свой идеальный образ» [Романова, с. 71]. А. Н. Романова показывает, как Татьяна вырастает до роли жены и хозяйки (а не просто светской дамы), осознанно выходит замуж, поддерживая родителей и сестру, чувствуя ответственность за свой род и его задачи. С Нехлюдовым происходит фактически то же самое, только с учетом особенностей времени и новых целей, которые стояли перед дворянством в финале XIX в.

По сути дела, Нехлюдов чрезвычайно одинок и в начале, и в конце романа, но это ощущение по-разному скрашивается. Герой расстается с дорогими для него воспоминаниями о матери, разлучается с сестрой Натальей – единственным близким человеком, чтобы найти что-то новое, свое, становится ищущим странником, не случайно в романе появляется знаковый образ путешественника: «Нехлюдов удивлялся на то, как мог он ис-

пытать это чувство; теперь он испытывал непередающую радость освобождения и чувство новизны, подобное тому, которое должен испытывать путешественник, открывая новые земли» [Толстой, т. 32, с. 233]; «И он испытывал чувство радости путешественника, открывшего новый, неизвестный и прекрасный мир» [Толстой, т. 32, с. 361].

Многочисленные контрасты и антитезы, на которых построен роман, характерны и для пути главного героя. С одной стороны, может показаться, что Нехлюдов, осознающий волю Хозяина, свое предназначение, совсем пренебрегает мыслью семейной. В определенные моменты так и случается: герою необходимо ощутить собственную слабость и силу Божественной власти. С другой стороны, образы искусственных союзов людей, оцениваемых Нехлюдовым критически, редкие примеры видимых им настоящих семей, а также его обещание и желание жениться на Катюше и искупить свою вину постоянно возвращают Нехлюдова к мысли семейной.

В рассказе о прошлом героя, его происхождении, юности Толстой фактически смешивает две линии: семейную, которая когда-то была им рассмотрена на примере пути Константина Левина, и светскую, условную — тут можно вспомнить Алексея Вронского с его правилами и отношением матери к Вронскому. Уже покойная ко времени начала романа мать Нехлюдова описывается Толстым как человек, не смогший оценить благородных движений души сына и своим влиянием увлекший его на неверный путь. Толстой показывает, что основная духовная перемена в Нехлюдове происходит потому, что «он перестал верить себе, а стал верить другим» [Толстой, т. 32, с. 48], среди этих «других» была и мать героя: «...Мать не огорчилась, а скорее обрадовалась, когда узнала, что он стал настоящим мужчиной и отбил какую-то французскую даму у своего товарища. Про эпизод же с Катюшей, что он мог подумать жениться на ней, княгиня-мать не могла подумать без ужаса» [Толстой, т. 32, с. 48].

Как одну из находок Толстой в дневнике отмечает правильно угаданное окружение Нехлюдова в начале романа, оказывающее на него влияние. Образы старых нянь или экономок в романах Толстого играют большую роль. Но если Агафья Михайловна в «Анне Карениной» является для Левина родным по духу человеком, который незаметно направляет его по правильному пути [Андреева, с. 341], то Аграфена Петровна, горничная матери Нехлюдова, оставшаяся при нем в

качестве экономки, пытается удержать героя от верных и честных решений. Во время жизни с матерью Нехлюдова она усвоила правила света, согласно которым нет ничего важнее внешнего лоска и удовлетворения потребностей представителей светского общества, поэтому ей так чуждо осознание вины Нехлюдовым, с которого и начинается подъем героя:

«— Это ваша добрая воля, только вины вашей тут особенной нет. Со всеми бывает, и если с рассудком, то все это заглаживается и забывается, и живут, — сказала Аграфена Петровна строго и серьезно, — и вам это на свой счет брать не к чему. Я и прежде слышала, что она сбилась с пути, так кто же этому виноват?

— Я виноват. А потому и хочу исправить» [Толстой, т. 32, с. 118].

Нехлюдов ни разу не вспоминает мать, когда думает о необходимости духовного преображения или нравственного роста, образ матери для него связан со всем материальным. Решив передать землю крестьянам, герой начинает сомневаться в правильности своего плана именно тогда, когда приезжает в большое имение матери и видит вещи, принадлежавшие ей: «В комнате в углу стояло старинное кресло красного дерева с инкрустациями, и вид этого кресла, которое он помнил в спальне матери, вдруг поднял в душе Нехлюдова совершенно неожиданное чувство. Ему вдруг жалко стало и дома, который развалится, и сада, который запустится, и лесов, которые вырубят...» [Толстой, т. 32, с. 201].

Очень интересно, что образ дома, который по наблюдениям ряда исследователей, в частности, О. В. Ланской, в романе «Анна Каренина» был тесно связан с семейной темой: «Слово *дом* в тексте синонимично слову *гнездо*, которое определяет изменения в старом доме Левина, появление хозяйки, занятие хозяйством, то есть возникновение новой семьи» [Ланская, с. 34], в романе «Воскресение» получает множество других значений. В юности Нехлюдова и Катюши дом был «правильным», но потом ребенка Катюши отвозят в *воспитательный дом*, сама Маслова позднее попадает в *дом терпимости* (дом Китаевой, «переменила два дома»), а на протяжении всего романа читатель будет видеть все новые и новые *дома-остроги*: «Мрачный дом острога с часовыми и фонарем под воротами, несмотря на чистую, белую пелену, покрывавшую теперь все — и подъезд, и крышу, и стены, производил еще более, чем утром, мрачное впечатление...» [Толстой, т. 32, с. 431]. Понятие «дом» в романе осмысливается с положительной стороны,

если речь идет в первую очередь о семье и духовном единении, но дом как строение, как материальная ценность, наоборот, сдерживает человека в его поиске в мире (не случайно Нехлюдов отказывается от большой квартиры, а потом спокойно уезжает и из своих имений).

По мере чтения романа «Воскресение» создается ощущение страшного и все нарастающего кризиса, захватывающего Россию. Образ национальной катастрофы, придающий произведению эпопейный масштаб, соотносится с упадком в семьях и усиливается изображением множества случайных семейств. Оттеняющий их образ благополучной семьи появляется лишь к финалу романа. Толстой правдиво описывает всю окружающую героев обстановку: несмотря на падение Катюши и нравственную деградацию Нехлюдова, которые произошли с ними к моменту встречи в суде, герои совершают поистине грандиозное восхождение, впечатляющую меру которого можно оценить, лишь проанализировав негативные примеры окружающей действительности.

После рождения ребенка и болезни Катюша вынуждена искать место работы. Толстой не снимает со своей героини ответственность за ее выбор и поведение, но демонстрирует, что дальнейшее падение Масловой было вызвано распущенностью людей, оказавшихся рядом: «Лесничий был женатый человек, но, точно так же как и становой, с первого же дня начал приставать к Катюше» [Толстой, т. 32, с. 8]; «Живя на квартире, нанятой писателем, Маслова полюбила веселого приказчика, жившего на том же дворе. <...> Приказчик же, обещавший жениться, уехал, ничего не сказав ей и, очевидно, бросив ее...» [Толстой, т. 32, с. 9]. По сути дела, эти примеры иллюстрируют и низкую сущность, и абсолютную неспособность к семейной жизни указанных эпизодических героев.

Уже в самом начале романа, в первое утро появления Нехлюдова, писатель раскрывает его нечестное поведение по отношению к знакомому предводителю уезда, с супругой которого Нехлюдов находился в любовной связи. Краткая история предводителя и его жены рисует одну из многочисленных семейных драм: «Нехлюдов вспомнил о всех мучительных минутах, пережитых им по отношению этого человека: вспомнил, как один раз он думал, что муж узнал, и готовился к дуэли с ним, в которой он намеревался выстрелить на воздух, и о той страшной сцене с нею, когда она в отчаянии выбежала в сад к пруду с намерением

утопиться и он бегал искать ее» [Толстой, т. 32, с. 15].

Очень значимо в романе описание семейства Корчагиных и желания Нехлюдова жениться на Мисси. Толстой показывает, что вместо искреннего чувства, с которым женился, например, Левин, Нехлюдовым движет расчет: он взвешивает все «за» и «против» семейной жизни, не пытаясь усилиями построить семью, а ожидая устройства собственного существования: «В пользу женитьбы вообще было, во-первых, то, что женитьба, кроме приятностей домашнего очага, устраняя неправильность половой жизни, давала возможность нравственной жизни; во-вторых, и главное, то, что Нехлюдов надеялся, что семья, дети дадут смысл его теперь бессодержательной жизни» [Толстой, т. 32, с. 18]. Более того, герой еще до прозрения взвешивает достоинства невесты — о каком-либо чувстве, как показывает Толстой, не идет и речи. А после встречи в суде с Масловой и начавшегося в нем переворота, Нехлюдов смотрит на случайное семейство Корчагиных иным, трезвым взглядом. Как и во многих других светских семьях, домочадцев у Корчагиных объединяет только совместное проживание и ряд условностей. На примере главы семьи Толстой демонстрирует чрезвычайную жестокость, а образ хозяйки дома становится пародией. Софья Васильевна Корчагина не только не хозяйка, она, как иронически показывает Толстой, более похожа на предмет дорогого интерьера: «Хозяйка дома, княгиня Софья Васильевна, была лежащая дама. Она восьмой год при гостях лежала, в кружевах и лентах, среди бархата, позолоты, слоновой кости, бронзы, лака и цветов и никуда не ездила» [Толстой, т. 32, с. 93]. Но эта лежащая бесхозяйственная и полностью сделанная дама с фальшивыми зубами еще и опускается до прелюбодеяния, до связи с доктором. Воспринимающий с отвращением всех Корчагиных, Нехлюдов, что очень важно для понимания благородства героя и начавшегося пути исправления, не обвиняет Миссии: после осознания своей вины за погубленную молодость Катюши, Нехлюдов считает себя недостойным Корчагиной.

Подобных примеров великосветских случайных семейств в романе множество, и целая галерея второстепенных и третьестепенных героев, обманывающих и предающих друг друга, создает общее ощущение семейного краха и бесконечного обмана. Председательствующий в суде, где рассматривается дело Катюши, как и его жена, ведут очень распущенную жизнь. «Они не мешали друг

другу», – замечает Толстой [Толстой, т. 32, с. 21]. По сути дела, перед нами образ двух чужих людей, соблюдающих приличия, но при этом ставящих под сомнение ценность семьи.

Тема семейная присутствует и в описании богослужения, на котором находятся арестанты. Имея в виду эту сцену романа, критики и богословы не раз упрекали Толстого в кощунстве, между тем, писатель показал, что на месте веры осознанной у всех присутствующих на службе находится просто созерцание определенного действия, а священник воспринимает церковную службу исключительно как работу с определенным доходом, позволяющим поддерживать семью: «Главное же, утверждало его в этой вере то, что за исполнение треб этой веры он восемнадцать лет уже получал доходы, на которые содержал свою семью, сына в гимназии, дочь в духовном училище» [Толстой, т. 32, с. 138].

Как мы уже отметили выше, большинство светских семей в романе представляют случайные союзы. В семье Масленникова, знакомого Нехлюдова по полку, всем руководит его жена, богатая и бойкая женщина: «Она смеялась над ним и ласкала его, как свое прирученное животное» [Толстой, т. 32, с. 170]. В семье Чарских все держится только на внешней представительности и опять-таки иллюзии внимания друг к другу. Толстой дает исчерпывающую характеристику графу Чарскому, но не описывает подробно взаимоотношений его с семьей. Зато на обеде у Катерины Ивановны Чарской Нехлюдов становится свидетелем спора, демонстрирующим грубое отношение сына к матери. Семья сенатора Вольфа, сделавшего блестящую карьеру, но уничижительно относящегося к близким и совсем отказавшегося от сына из-за его поведения и растрат является примером домашнего мучительства. Вольф издевается над всей семьей, но при этом сам продолжает наслаждаться своими ценностями образцовой жизни: «Семейную жизнь Владимира Васильевича составляли его безличная жена, свояченица, состояние которой он также прибрал к рукам, продав ее имение и положив деньги на свое имя, и кроткая, запуганная, некрасивая дочь, ведущая одинокую тяжелую жизнь» [Толстой, т. 32, с. 252].

На примере одного из самых неиспорченных героев среди всех чиновников в романе, товарища Нехлюдова Селенина, которого он знал еще студентом, Толстой показывает, как неудачно устроенная семейная жизнь отнимает у человека силы и не дает ему двигаться в нужном направлении духовного роста. Блестящая женитьба Селенина,

устроенная для него светскими знакомыми, оказывается «еще более „не то“, чем служба и придворная должность» [Толстой, т. 32, с. 231]. Селенину абсолютно чужими становятся и жена, ведущая светскую жизнь, и дочь, которую воспитывают совсем не так, как он хотел. Более того, внешне приличные отношения супругов перерастают во вражду, которая, разумеется, отнимает у обеих сторон большие силы: «Между супругами установилось обычное непонимание и даже нежелание понять друг друга и тихая, молчаливая, скрываемая от посторонних и умеряемая приличиями борьба, делавшая для него жизнь дома очень тяжелой» [Толстой, т. 32, с. 281]. Толстой подчеркивает, что жена Селенина верна ему, однако эта верность чужому по духу человеку, у которого нет с семьей общих интересов, просто невыносима Селенину. На примере данного героя Толстой еще раз демонстрирует, что человек, допускающий ложь в личной жизни, не способен быть честным и объективным с другими: тяготящее его душу ярмо обмана и фальши отражается на всех окружающих, в том числе и на его работе, службе. Так, внимательный читатель романа увидит в художественном мире произведения параллель между семейной жизнью Селенина и его решением по делу Масловой в сенате.

Неприятным собеседником для Нехлюдова в романе является муж его сестры, Игнатий Никифорович. При встрече с сестрой Нехлюдов сразу же отмечает изменения в ней, произошедшие под влиянием мужа – человека слишком самоуверенного и не принимающего никакой другой точки зрения. Предельно натянутый разговор с Игнатием Никифоровичем о земельной собственности показывает полярность позиций героев, и лишь только воспоминание Наташи о детях, об их общении с сестрой в детстве приводит Нехлюдова в спокойное состояние. Образ детей напоминает о правильной и полноценной семье, об истинных ценностях и преемственности жизни. Примечательно, что Наташа вспоминает конкретную игру – путешествие, а ведь именно путешественником, ищущим себя и правильный путь, становится ее брат: «Сестра <...> стала рассказывать про то, как ее дети играют в путешествие, точно так же, как когда-то он играл с своими двумя куклами – с черным арапом и куклой, называвшейся француженкой.

– Неужели ты помнишь? – сказал Нехлюдов, улыбаясь.

– И представь себе, они точно так же играют» [Толстой, т. 32, с. 322].

Изображены в романе и крестьянские семьи, и семьи рабочих. Множество крестьян, их хозяйств и дворов видит Нехлюдов фактически впервые в своих деревнях, причем в Паново семьи оцениваются по степени бедноты: два мальчика, провожающие героя, спорят о том, кто же беднее в деревне. Оказывается, что бедны все, и меру и степень обнищания народа сложно представить. Нехлюдов наблюдает матерей с голодными детьми, чьи мужья на работе или на заработках в городе, по приглашению мужика заходит в крестьянскую избу. Писатель демонстрирует, что большинство проблем в крестьянской семье связаны с критическим положением народа.

Сложно назвать счастливой и семью Тараса с Федосей: конечно, их во многом случайный союз благодаря совместному труду перерастает в единение двух любящих людей, однако досадная попытка Федосьи отравить мужа становится источником дальнейших бед и ссылки. Следуя за Масловой и партией арестантов, Нехлюдов в вагоне видит несколько семей: образ случайного семейства, где муж и жена фабричные неумеренно пристрастились к спиртному: «Фабричный — муж, приставив ко рту бутылку с водкой, закинув голову, тянул из нее, а жена, держа в руке мешок, из которого вынута была бутылка, пристально смотрела на мужа» [Толстой, т. 32, с. 353–354]; образ по описаниям благополучной семьи, но живущей отдельно, о котором рассказывает верящая своему мужу и хвалящая его жена. Эти примеры семей из народа, разумеется, добавляют некоторые светлые краски в общую картину, открывают читателю возможность и достижимость счастливой семейной жизни, однако вместе с тем они единичны, имеют несколько остаточный характер, особенно на фоне того глобального кризиса, в котором, по мнению писателя, находится Россия.

Сцена избиения арестанта офицером в начале третьей части романа также связана с семейной темой: «Офицер требовал, чтобы были надеты наручни на общественника, шедшего в ссылку и во всю дорогу несшего на руках девочку, оставленную ему умершей в Томске от тифа женою. Отговорки арестанта, что ему нельзя в наручниках нести ребенка, раздражали бывшего не в духе офицера, и он избил не покорившегося сразу арестанта» [Толстой, т. 32, с. 364]. Толстой показывает жестокость военных и служащих, разучившихся относиться к людям с состраданием, разрушение семей, вызванное нечеловеческими условиями и несправедливостями. Маленькая плачущая дочь арестанта идет на руки только к

Масловой, возрождающейся для новой жизни, и становится на время приемной у политических.

По Толстому, объединение политических ссыльных нельзя сравнить с семьей, как нельзя уподобить ей и большое народное единство. Однако писатель показывает, что в основе настоящей семьи лежит идея бескорыстной любви и помощи, которая хранится русским народом, сберегающим еще идеалы чистоты, естественности, правдивости. Так, рабочий, на имеющий своей семьи, сообщает Нехлюдову в нескольких предложениях всю свою жизнь: «Потом он рассказал, как он в продолжение двадцати восьми лет ходил в заработки и весь свой заработок отдавал в дом, сначала отцу, потом старшему брату, теперь племяннику, заведовавшему хозяйством, сам же проживал из заработанных пятидесяти — шестидесяти рублей в год два-три рубля на баловство: на табак и спички» [Толстой, т. 32, с. 360].

В финале романа Нехлюдов приходит к утверждению для себя нового порядка, заключающегося в духовной жизни и выполнении осмысленных им Евангельских заповедей. Но есть в заключительных главах «Воскресения» и та жизненная форма, которая манит Нехлюдова, которая виделась верной и самому писателю. Герой созерцает ее на примере семьи сибирского генерала. Толстой показывает, что честная молодая жизнь зарождается в скорлупе прежних иллюзий. Так, старшее поколение — генерал, пристрастившийся к спиртному, заглушающему в нем голос совести и его жена — «перербургского старого завета *grande dame*, бывшая фрейлина николаевского двора, говорившая естественно по-французски и неестественно по-русски» [Толстой, т. 32, с. 427] — это люди отвергнутого Нехлюдовым порядка. В гостинице сибирского генерала Толстой вновь испытывает героя, окружая его лестью и роскошью. Но Нехлюдов уже прошел нелегкий путь до Сибири, увидел тяготы и множество смертей, а самое главное, готов к последнему решительному духовному перевороту. Ю. В. Шатин отмечает, что большинство российских жителей XVIII–XIX в. воспринимали Сибирь как край земли, далекое место, отчужденное от людей и цивилизации: «Сибирский текст этого периода развивался в основном в двух направлениях: научно-исследовательском с акцентом на экзотику природы и быта аборигенов и мифопоэтическом, где Сибирь оказывалась особым пространством, попадая в которое человек непременно должен был изменить основные параметры своего духовного существования [Шатин, с. 11–12]. Исследователь

справедливо констатирует, что Нехлюдов, приехавший в Сибирь, сильно изменяется, перерождается. Однако необходимо понимать, что это результат большого пути и долгой работы, происшедшей в герое.

Также Ю. В. Шатин доказывает в статье, что Толстым в романе представлен не конкретный сибирский город, а плод художественной фантазии Толстого. Однако образ этого условного города, как мы покажем далее, соотносится писателем со всей Россией, прежде всего за счет изображения глобальных народных проблем. Очень важно, что находясь в гостях у сибирского генерала, Нехлюдов инстинктивно тянется не к роскоши, а к семейному уюту, любви и тому благородному служению, которое он увидел впервые в народной жизни. В образе дочери генерала и ее мужа Толстой пунктиром намечает линию развития будущей русской семьи: мысль народная и мысль семейная соединяются, вырастают до эпических масштабов всей России. Толстой показывает нам дочь сибирского генерала, гордящуюся своими малышами, причем ее маленькую девочку зовут Катей (как тут не вспомнить Катюшу Маслову, лишенную настоящей семьи, выращенную после смерти матери-скотницы тетушками Нехлюдова), и ее мужа, который занимается в романе по сути дела спасением России: «Муж ее <...>, скромный и умный, служил и занимался статистикой, в особенности инородцами, которых он изучал, любил и *старался спасти от вымирания*» (курсив автора статьи) [Толстой, т. 32, с. 428].

В художественном мире романа эта попытка сохранения инородцев открывает личное усилие конкретного человека, направленное на спасение русского народа. А ведь именно картины вымирания народа придают роману особое положение на «границе» жизни и смерти, ситуацию эпопейную: «Народ *вымирает*, привык к своему *вымиранию*, среди него образовались приемы жизни, свойственные *вымиранию*, — умирание детей, сверхсильная работа женщин, недостаток пищи для всех, особенно для стариков. И так понемногу приходил народ в это положение, что он сам не видит всего ужаса его и не жалуется на него. А потому и мы считаем, что положение это естественно и таким и должно быть» (курсив автора статьи) [Толстой, т. 32, с. 217].

Таким образом, мы постарались показать, что семейная тема в романе «Воскресение» является одной из основных и поддерживает систему антирез в романе. Писатель фактически не изменяет

своего отношения к семье, единственное — образ семьи поздним Толстым еще прочнее и основательнее связывается с духовным ростом человека, его способностью выхода к вере и большому народному миру. Однако в художественном мире одного из самых остросоциальных и резких романов конца XIX в., иллюстрирующем глобальный жизненный кризис, писатель не дает оптимистического взгляда на современные ему семьи: большинство из них приближается к образам случайных семейств, описанных ранее Достоевским. Толстой правдиво показывает связь глобального национального спада с разложением и духовным оскудением семей, основанных не на любви и искренних чувствах, а на фальши, поиске выгоды, силе привычки. Семейная тема позволяет писателю показать масштаб внешнего и внутреннего кризиса, охватывающего человечество. Толстой демонстрирует, что несчастный в семье человек, сознательно или несознательно запутывающий тех, кто живет с ним под одной крышей, не способный к состраданию, становится опасным и для общества: «Все дело в том, — думал Нехлюдов, — что люди эти признают законом то, что не есть закон, и не признают законом то, что есть вечный, неизменный, неотложный закон, самим Богом написанный в сердцах людей. От этого-то мне и бывает так тяжело с этими людьми, — думал Нехлюдов. — Я просто боюсь их. И действительно, люди эти страшны. Страшнее разбойников. Разбойник все-таки может пожалеть — эти же не могут пожалеть: они застрахованы от жалости, как эти камни от растительности. Вот этим-то они ужасны» [Толстой, т. 32, с. 351]. Галерея случайных семейств, представленных в «Воскресении», позволяет писателю укрупнить описание национального кризиса: Толстой обличает не только власть, государственную и судебную системы, он демонстрирует, что все современные ему институты, в том числе семья, должны устраиваться на основах справедливости, честности и сознательного и чуткого отношения людей друг к другу, умения прощать.

Библиографический список

1. Андреева В. Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома : КГУ, 2016. 492 с.
2. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Воспоминания. Москва : Захаров, 2002. 654 с.
3. Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 13. Ленинград : Наука, 1975. 456 с.
4. Жарова А. А. «Порода» Л. Н. Толстого и «Слу-

чайное семейство» Ф. М. Достоевского // Русская речь. 2012. № 1. С. 3–6.

5. Зверев А. М., Туниманов В. А. Лев Толстой. Москва : Молодая гвардия, 2007. 782 с.

6. Ланская О. В. Дом в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Л. Н. Толстой в движении эпох: философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника. Тула, Москва, 2011. С. 27–35.

7. Ломунов К. Н. Над страницами «Воскресения». Москва : Современник, 1978. 381 с.

8. Мардов И. Б. О «Новом жизнепонимании» Льва Толстого // Л. Н. Толстой в движении эпох: философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника в 2 ч. Ч. 2. Тула, Москва, 2011. С. 299–306.

9. Недзвецкий В. А. История русского романа XIX века: неклассические формы. Москва : МГУ, 2011. 152 с.

10. Романова А. Н. О художественном единстве образа Татьяны Лариной // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. № 1. С. 67–71.

11. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Москва : Худ. лит., 1928–1958.

12. Шатин Ю. В. Путешествие Нехлюдова в Сибирь. К проблеме инициации // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 11–15.

Reference List

1. Andreeva V. G. O nacional'nom svoeobrazii russkogo romana vtoroj poloviny XIX veka = About national peculiarity of Russian novel of the second half of the XIX c. Kostroma : KGU, 2016. 492 s.

2. Gol'denvejzer A. B. Vblizi Tolstogo. Vospominaniya = Near Tolstoy. Memories Moskva : Zaharov, 2002. 654 s.

3. Dostoevskij F. M. Podrostok = A teenager // F. M. Poln. sobr. soch. v 30 t. T. 13. Leningrad : Nauka, 1975. 456 s.

4. Zharova A. A. «Poroda» L. N. Tolstogo i «Sluchajnoe semejstvo» F. M. Dostoevskogo = «Breed» by L. N. Tolstoy and «Random family» by F. M. Dostoevsky. Russkaja rech'. 2012. № 1. S. 3–6.

5. Zverev A. M., Tunimanov V. A. Lev Tolstoj = Leo Tolstoy. Moskva : Molodaja gvardija, 2007. 782 s.

6. Lanskaja O. V. Dom v romane L. N. Tolstogo «Anna Karenina» = Family in the novel of L. N. Tolstoj «Anna Karenina» // L. N. Tolstoj v dvizhenii jepoh: filosofskie i religiozno-nravstvennye aspekty nasledija myslitelja i hudozhnika. Tula, Moskva, 2011. S. 27–35.

7. Lomunov K. N. Nad stranicami «Voskresenija» = Above the pages of «Resurrection». Moskva : Sovremennik, 1978. 381 s.

8. Mardov I. B. O «Novom zhizneponimanii» L'va Tolstogo = About «New understanding of life» of Leo Tolstoj // L. N. Tolstoj v dvizhenii jepoh: filosofskie i religiozno-nravstvennye aspekty nasledija myslitelja i hudozhnika v 2 ch. Ch. 2. Tula, Moskva, 2011. S. 299–306.

9. Nedzveckij V. A. Istorija russkogo romana XIX veka: neklassicheskie formy = The history of Russian novel of the XIX c.: non classic forms. Moskva : MGU, 2011. 152 s.

10. Romanova A. N. O hudozhestvennom edinstve obraza Tat'jany Larinoj = About artistic unity of Tatjana Larina's image // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2015. № 1. S. 67–71.

11. Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. = Complete collection of works in the 90-s. Moskva : Hud. lit., 1928–1958.

12. Shatin Ju. V. Puteshestvie Nekljudova v Sibir'. K probleme iniciacii = The travelling of Nekhludov to Siberia. To the problem of initialization. Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2016. № 2. S. 11–15.